

История канцеляризов «руку приложить» и «рукоприкладство»¹

Рассмотрена история функционирования устойчивого выражения «руку приложить» в русском деловом языке и за его пределами. Определены речевые и социокультурные источники данного сочетания, проанализированы его однословные производные: «рукоприкладство», «рукоприложение», «рукоприкладывание». Отмечено, что активное распространение канцеляризма «руку приложить» совпадает с активным развитием в XV–XVI вв. русского «бытового права», для которого характерна тесная связь деловой речи с разговорным языком. Прослежен постепенный уход этого канцеляризма из деловой сферы, обретение им в текстах художественной литературы переносных значений, источником которых могут служить лексико-семантические варианты многозначных слов, входящих в состав этого выражения («приложить», «рука»). Описаны случаи игрового использования сочетания «руку приложить», мотивированные неисконными для данного выражения производящими словосочетаниями, в результате чего образуются новые значения («пожать руку», «поцеловать руку»). Эволюция функционирования делового сочетания «руку приложить» тесно связана с развитием деловой сферы в целом, с развитием документа как особого текста, отражающего «идеологию» государственного управления. На примере истории одного канцеляризма продемонстрировано влияние письменного языка власти на логику и принципы развития русского делового языка, которое усиливается с каждым последующим веком.

Ключевые слова: историческая стилистика, деловой язык, история канцеляризма, «руку приложить», «рукоприкладство».

The article examines the history of the functioning of the stable expression “*ruku prilozhit*” (“have a finger in the pie”) in the Russian official language and beyond. Speech and socio-cultural sources of this combination are determined, its one-word derivatives are analyzed — “*rukoprikladstvo*”, “*rukoprilozheniye*”, “*rukoprkladyvaniye*” (“handwriting”). It is pointed out that the active spread of *kantselyarizm* “to make a hand” coincides with the active development in the 15–16th centuries of Russian “everyday law”, a close connection between the official speech of the pre-Petrine time and the spoken language. There is a gradual departure of this *kantselyarizm* from the official sphere, the development of figurative meanings in the texts of fiction, the source of which can be the lexico-semantic variants of the polysemantic words that make up this expression (“attach”; “hand”). The cases of playful use of the combination “*ruku prilozhit*” are considered, motivated by generating phrases that are not native for this expression, as a result of which new meanings are formed (‘shake hands’, ‘kiss hands’). The evolution of the functioning of the business combination “*ruku prilozhit*” is closely connected with the development of the official sphere as a whole, with the development of the document as a special text reflecting the “ideology” of public administration. On the example of the history of one bureaucracy, the influence of the written language of power on the logic and principles of the development of the Russian official language is demonstrated, which intensifies with each subsequent century.

Keywords: historical stylistics, business language, history of *kantselyarizm* (bureaucratic word), “*ruku prilozhit*” (“have a finger in the pie”), “*rukoprkladstvo*” (“handwriting”).

Введение

Канцеляризы — интереснейший языковой материал, способный, с одной стороны, продемонстрировать способы узуальной, функционально мотивированной «консервации» некогда свободных сочетаний слов, с другой — отчасти пролить свет на генезис и становление русского делового языка, в котором эти устойчивые речевые единицы приобретают статус «постоянных спутников командно-бюрократической системы» [1. С. 117]. Оставляя за скобками существующую в научной литературе дискуссию в определении и разведении близких по содержанию терминов «штамп», «клише», «канцеляризм», остановимся на универсальных дефинициях канцеляризма, отмеченных в свое время Б.Н. Головиным: «Это слово, словосочетание, целое высказывание, употребляемое в деловых (“канцелярских”) документах как устойчивый шаблон, как трафарет, требующий не особых усилий мысли, а лишь речевого автоматизма» [2. С. 175].

Среди исторических канцеляризов русской деловой речи сочетание «руку приложить» заслуживает отдельного внимания по нескольким причинам. Во-первых, его активное использование в русской деловой письменности XV–XVI вв. было исторически мотивированно и оправданно,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00338).

причем истоки этой социокультурной мотивации обнаруживаются как в реальных особенностях документооборота того времени, так и, видимо, в предшествующей традиции скрепления печатью частных правовых актов [3. С. 9].

Во-вторых, не всякий канцеляризм есть «скучно-серое выражение <...> не требующее работы мысли» [4. С. 55]. Вся история канцеляризма «приложить руку», с его «превращением» в однословные именные производные «рукоприкладство», «рукоприкладывание» и др., с его (в конечном счете) «уходом» из канцелярского стиля и последующей активной межстилевой употребительностью, демонстрирует обратное. Вне документа обычный канцеляризм почти неизбежно приобретает качества «стилистической дефектности» [Там же. С. 60] и в общенациональном языке часто попросту отмирает. Канцеляризм «приложить руку» за пределами делового текста не только не исчезает — он очень быстро расширяет свое содержание и приобретает ряд производных значений, обусловленных как эволюцией делопроизводства, так и сугубо языковыми возможностями входящих в него многозначных слов-компонентов.

В-третьих, история функционирования устойчивого сочетания «руку приложить» в известной степени демонстрирует как структурную и содержательную эволюцию текста русского документа на протяжении длительного времени (XV–XIX вв.), так и все усиливающееся влияние языка власти на развитие русской деловой речи в целом.

Результаты исследования и их обсуждение

Выражение «приложить руку»

Исходное значение выражения «руку приложить» — ‘подписать какой-либо документ, бумагу и т.п.’ [5. С. 356]; в современных словарях это словосочетание сопровождается характерной стилистической пометой «устар.». В Словаре Академии Российской (САР) значение его раскрывается следующим образом: «В приказн. слоге: утвердить что своим подписанием. *Приложить руку к прошению*» [6. Т. 3. Стб. 581].

В средневековом русском праве наличие у документа подписи не было его обязательным атрибутом (сегодня мы бы сказали «реквизитом» — «обязательными данными, установленными законом или положениями для документов» [7. С. 663]).

В древнерусскую эпоху удостоверение различных сделок, а также документов, в которых эти сделки получали отражение, проводилось при помощи послухов — «свидетелей, очевидцев, тех, кто удостоверяет, подтверждает что-л.»; ср.: *передъ тими послусы купи землю княгыни боюню всюю* (Надп. (В.) М25, XII) [8. С. 248].

Для указания на свидетелей сделки использовался устойчивый приказной оборот «а на том послуи + антропонимы», например: *а на томъ послуи. двѣ попѣ, дорожка, домославѣ* (Гр до 1299 (псков.)); *А на то послуи князь юрьи гльбовичъ белзьский. панъ ота пилецький староста русьскоъ земля* (Гр 1368 (ю.-р.)) [Там же. С. 249]. Это, впрочем, не исключало возможности подтверждения документа при помощи печати: *А на то послухъ печать дому божию святыи Софии* (Сев. гр., 144. XV в.) [9. Вып. 17. С. 188]. Достаточность указания на свидетелей при совершении сделок была обусловлена исходной устно-речевой основой деловой коммуникации. Говоря об особенностях языка Русской Правды, А.М. Селищев, например, писал: «Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее» [10. С. 59].

На рубеже XV–XVI вв. происходит расширение сфер применения письменной деловой речи, обусловленное расширением границ государства. Среди прочего это нашло свое отражение в возникновении и распространении формулы «руку приложить»: *По сей записи язѣ Олешька послухъ и руку свою приложилъ. Къ сей записи язѣ Ларкя послухъ руку свою приложилъ* (Поместная запись Григория Фенина с братьями <...> 1510) [11. С. 173] и т.д.

Руку прикладывали к обратной стороне грамот. В этом состоит первое важное отличие от современной подписи. Второе заключалось в том, что первоначально приложение руки к грамоте

понималось буквально — как приложение к грамоте ладони, покрытой чернилами. В.Н. Татищев так пояснял значение этого сочетания: «*Руки прикладывать* — сие от древности имя взятое; как писать мало умели, то для утверждения, намавав всю ладонь чернилами, тонко к бумаге приложит, где все изгибы руки означатся» [12. С. 18].

Похожим образом разъяснял этот обычай известный специалист по геральдике А.Б. Лакиер:

Частные лица считали акт твердым, когда прилагали к нему свою руку, т.е., намавав ее чернилами, налагали на бумагу, на которой получался таким образом верный ее оттиск, или вместо того рука обводилась чернилами [13. С. 183].

Расхожее мнение, что прикладывание руки к документу (вместо собственноручной подписи) объясняется прежде всего сплошной безграмотностью средневекового русского населения, исторически не совсем верно. О том свидетельствуют, например, опубликованные В.Л. Яниным многочисленные бытовые акты средневекового Великого Новгорода XV–XVII вв., где грамотность была явлением обычным, распространенным среди как княжеских людей, так и рядовых горожан [14. С. 347; 15]. При этом правило «приложения руки» было распространено и исполнялось при заключении различных сделок почти повсеместно.

Для крупных торговых городов наложение руки на документ могло быть актуализировано еще и общеевропейской традицией — скреплением письменных обязательств с помощью особой «личной» печати, назначение которой было сходно с тем, что выполнял (по словам А.Б. Лакиера) «чернильный оттиск руки», а именно заверить подлинность документа и информировать о личности его владельца. Показательно, что в Новгороде XV–XVI вв. на реверсах архиерейских, а затем и посадских печатей вместо обычных в таких случаях образов Богородицы и святых все чаще появляется изображение руки [3. С. 207] — метонимический знак «благословляющая десница» [16]. Возможно, «приложение руки» для скрепления деловых бумаг имело как бы два уровня исполнения (для пущей надежности): буквальное наложение ладони на обороте документа, как описывает «рукоприкладство» А.Б. Лакиер, и символическое — изготовление печати с «благословляющей десницей». И что чему хронологически предшествовало, выяснить невозможно; по крайней мере, сочетание «руку приложить» в обоих случаях вполне применимо.

Одновременное применение обоих способов скрепления документа не однажды фиксируется русскими историками; правда, изображение на печати не описывается:

Осталось еще два затруднения: шведские послы требовали, чтоб королю их писаться ижерским и чтоб для окончательного скрепления договора царь отправил своих послов к английскому королю, который должен к договору **приложить** свою **руку** и **привесить печать** (С.М. Соловьев. *История России с древнейших времен*. 1859. Т. 9);

Форма была списана; к этому списку новгородский владыка должен был **приложить руку** и **свою печать** (Н.И. Костомаров. *Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада*. 1863) [17].

Примечательно, что приложение руки и подпись также могли сосуществовать в одном документе как два его самостоятельных реквизита, на что указывают контексты из деловых бумаг разных лет:

Язь князь Дмитрий Пожарской вотчинную свою деревню Три дворища, по приказу отца своего князя Михайла Фодоровича Пожарского, въ Суздадь въ Спаской Евуимевъ монастырь даль и **подписаль** своєю рукою. Послухъ князь Никита **руку приложиль**. Послухъ Томилко **руку приложиль**. Послухъ Степанко **руку приложиль**. Послухъ Иванко **руку приложиль** (*Данная грамота Дмитрия Пожарского ... 1587*) [11. С. 416].

Приложение руки к документу в том смысле, как его понимал Татищев, было распространено в славянских землях, находившихся в составе Османской империи, еще в середине XIX в. [18]. Возможно, «приложить руку» могло поначалу означать и употребление разного рода знаков (знамен), при помощи которых удостоверялся документ:

Къ сей порушной записи Инсарской площади подъячей Федка Нефедов вместо поруччиков Данилы Осипова да Еремея Исаева, по их веленью, руку приложил. Знамя поручниково Малкино (изображение). Знамя поручника (изображение) Костькиво (*Дело о покраже меда*. 8–13.10.1677) [19. Стб. 625].

Здесь сочетание «руку приложил» уже обозначает подпись, однако наряду с приложением руки представлены и некие «знамена» с разными изображениями (так называемыми эмблемами) [15. С. 150].

Появление в документах указания на приложение руки к документу вместо кого-то другого связывают с изданием законов, требовавших от автора документа подписывать его. Так, при царе Михаиле Федоровиче издается указ, что «всякая крепость должна быть подписана лицом, дающим ее. За безграмотного должны прикладывать руку или духовные отцы их, или, если у кого не будет близко духовного отца или случится с ним вражда, ближние родственники, братья родные или племянники» [20. С. 52].

Первоначально полный состав формулы, выражающей подписание документа кем-либо за другого человека, имел следующий вид: имя 1 в им. п. + *вместо* + имя 2 в род. п. + *по* (притяжательное местоимение / притяжательное прилагательное) *велению руку приложил*. Компонент *по велению* (реже *веленьем*) был устойчив и широко употреблялся в разнообразных документах XVI — первой половины XVIII в. (об этом подробнее см.: [21]). Например: *К сей записи вместо углеченина посадцкого человека Елисея Бендина по его веленью углетцкой земской дьячек Олешка Григорьев руку приложил* (Поручная по углицком посадском человеку Елисее Григорьеве ... 1645) [22. С. 336].

В XVII в. в документах наряду с *по велению* изредка встречается *по челобитью*; ср.: *Богоявленского монастыря слуга Федор Хомутов вместо порутчика того ж монастыря сторожа Федора Анкудинова по его челобитью руку приложил* (Поручные по монастырских дворниках. 1690) [Там же. С. 350]. Со второй четверти XVIII в. происходит вытеснение компонента «по велению» компонентом «по прошению» или (реже) «по просьбе», который широко распространился уже в XIX в.

Необходимость прикладывать руку за неграмотных порождала злоупотребления, связанные с фальсификацией подписи (это называлось «подписаться под руки»), а в иных случаях и курьезы:

Бумага эта [условие] вскоре попала к мировому, мировой прочел ее и вдруг видит, что вместо обычного рукоприкладства за неграмотных на бумаге было написано: «По горам твоим, Кавказ, пронеслась молва о нас» (И.А. Салов. Николай Суетной. 1881) [17].

В XVIII в. происходят изменения в употреблении оборота «руку приложил» в структуре текста документа. Во-первых, он перемещается с обратной стороны документа на лицевую сторону. Это было обусловлено заменой столбцовой формы письма на тетрадную, состоявшейся по распоряжению Петра I. Во-вторых, от подданных требовалось прикладывать руку не только к личным документам, но и к тем, с которыми им следовало лишь ознакомиться (так зародилась современная традиция ознакомления с документами «под подпись»).

Употребление (ставшей устойчивой) деловой формулы «руку приложить» в документах XVIII–XIX вв. было характерно для весьма ограниченного числа деловых жанров: челобитных (позднее прошений), купчих крепостей, заемных писем, контрактов, векселей, записей (подаренных, рядных, раздельных), духовных завещаний и др.

Подпись при помощи формулы «руку приложил» ставилась в конце документа; исключения составляли челобитные, прошения и отзывы. Их содержание начиная с Петровской эпохи требовалось излагать по пунктам: *Как челобитныя, так и доношения писать пунктами, так чисто, дабы что писано в одном пункте, в другом бы того не было* (О форме суда. 12.11.1723). В конце указа была приведена форма челобитных [23. Ч. 1. С. 89]. В некоторых видах документов (прошениях на высочайшее имя, контрактах и др.) использование в составе подписи оборота «руку приложил» сохранялось до начала XX в.

Долголетнюю судьбу вне делового языка канцеляризму «руку приложить» обеспечивали его вторичные, переносные значения. Так, например, в одной из проповедей Стефана Яворского он употребляется в значении, близком современному выражению «подписаться обеими руками» — «охотно и полностью соглашаться с чем-либо» [5. С. 332]:

Приложил бы аз руку ко оному речению некоего Италианскаго мудреца, которой, егда слышал, яко верный друг и приятель обманул другаго, сице глаголаше: со всяким дружество, а некому поверити, аки бы рекл: со всяким изрядно, а ни с кем верно (*Митрополит Стефан (Яворский). Проповеди. 1700–1722*) [17].

С первой трети XIX в. фиксируется употребление оборота в значении 'основательно, серьезно заняться кем-либо или чем-либо' [5. С. 355]: *Поле, на которое зову тебя, поле богатое и мало обработанное: приложи лишь руки и старания, а плоды обильные вознаградят тебя за труд* (А.О. Корнилович. Письмо М.О. Корниловичу. 1832) [Там же].

С 1850-х гг. фиксируется употребление оборота «руку приложить» в отрицательно-оценочном значении — 'быть причастным к чему-либо, обычно предосудительному, принять участие в чем-либо предосудительном, плохом' [Там же. С. 356]: *...мужики были твердо убеждены, что в трех покражах, по которым делались обыски, приложил тяжелую руку свою не кто другой, а именно Трифон Афанасьев* (С.Т. Славутинский. Жизнь и похождения Трифона Афанасьева. 1859) [Там же].

В последних двух значениях оборот активен и в современном русском языке.

Лексема «рукоприкладство»

В словаре русского языка XI–XVII вв. слово «рукоприкладство» не отмечено [9. Т. 22. С. 253]: оно входит в язык лишь в середине XVIII в. Сложное слово является результатом номинализации глагольно-именного оборота «прикладывать руку», что весьма характерно для того времени: активное образование девербативов, нацеленное на экономию словесных выражений в деловом тексте, набирает силу, став в итоге яркой чертой деловой речи в целом.

Слово «рукоприкладство» было отнюдь не первым номинализированным обозначением факта подписания документа. Его опередили сочетания с отглагольными существительными «приложение рук» и «прикладывание рук». В Петровскую эпоху они широко распространяются, главным образом в предложно-падежной форме в устойчивой синтаксической структуре «с приложением (прикладыванием) рук»:

...и о том в канцелярии Правительствующаго Сената сей великаго государя указ сказать с запискою и с **прикладыванием рук** (1711) [24. Т. 4. С. 700–701]; ...и в тех описных местах обывателям всякаго чина людям велеть объявить Царскаго Величества указ **с приложением рук**, дабы о том ведали (1720) [Там же. Т. 6. С. 172] и др.

В екатерининское время встречаются несколько номинализированных обозначений подписания документа, как унаследованных от предшествующей эпохи, так и новых, с начальным элементом *рук-*: «рукоприложение», «рукоприкладство», «рукоприкладывание». Из них наибольшую активность получило слово «рукоприкладство»:

...под запискою оной закладной, въ силу 208 года указа, какъ его Ивана Ардабьева **рукоприкладства**, такъ и Никиты Полтева росписки въ принятии той закладной не имеется (1762) [Там же. Т. 15. С. 928];
...повелели Мы: учиня Сенату экстракт за надлежащим **рукоприкладством**, представить Нам, который и поднесен... (1769) [Там же. Т. 18. С. 987].

Одновременно со словом «рукоприкладство», но значительно реже употреблялось слово «рукоприложение»: *Оные порядки внешние суть: например, **рукоприложение** всех надлежащих лиц...* (1768) [Там же. С. 506].

Слово «рукоприкладство» (а также «рукоприкладывание») отмечено в САР с характерной пометой «приказное речение»: *«Рукоприкладство, ва и Рукоприкладывание, ния. с. ср. реч. приказное. По участию в деле каком ответном и в других тому подобных случаях утверждение сделанной выписки о точности существа, обстоятельства дела и законов; или засвидетельствование чего собственноручным или уполномоченного повереннаго подписанием. Призывать, понуждать к рукоприкладству»* [6. Т. 5. Стб. 209]. Следует отметить, что номинация «рукоприкладывание», зафиксированная в словаре, в исследуемых текстах не встретилась, в отличие от слова «рукоприложение», употребленного в ряде контекстов, но не упомянутого в САР.

Двуязычные словари дают неоднозначную картину. Так, сочетание «приложение руки» встречается в словаре Вейсмана: «*Unterschrift, suscriptio*, подписание, приложение руки; закрепка» [25. С. 717], а под его влиянием — в словаре М.Г. Гаврилова: «*Unterschrift, f. la souscriptoin, suscriptio*,

la sottoscritta, *подписание, приложение руки, закрепка*» [26. С. 615]. В словаре И. Нордстета фиксируются номинации «рукоприкладство» и «рукоприложение»: «Рукоприкладство, a n. it. и рукоприложение, я. n. die Beyfügung des Namens, die Unsterschrift, la signature, le seing, nom» [27. С. 718].

Полиномия при обозначении подписания документа и подписи под документом, характерная для второй половины XVIII в., в первой половине XIX в. была в целом преодолена: слово «рукоприкладство» вытесняет остальные номинации.

Причины, по которым в конкуренции слов «рукоприложение», «рукоприкладство», «рукоприкладывание» победила лексема «рукоприкладство», имеют, видимо, семантический и стилистический характер. Слова «рукоприложение» и «рукоприкладывание» сохраняли исходную акциональную природу, актуализированную «процессуальным» суффиксом отглагольного существительного *-ние*, поэтому плохо развивали метонимическое значение результата действия (*подпись*), в отличие от слова «рукоприкладство». Кроме того, слово «рукоприложение» вступало в паронимические отношения со словом «рукоположение», почти термином, обозначающим специальный церковный обряд и, как следствие, имеющим отношение к совершенно иной функционально-стилистической сфере — языку Церкви. Примечательно, что пример первого употребления слова «рукоприложение» отмечен в церковном документе 1734 г., и на его образование вполне могла повлиять модель, лежащая в основе слова «рукоположение»: ...*только при отпуске обязывать их письменно с крепким подтверждением с их **рукоприложением**, дабы они что чинили, того отнюдь бы впредь чинить не дерзали...* [24. Т. 9. С. 395].

Словарь церковнославянского и русского языка (1847) фиксирует не только слово «рукоприкладство», но и целый ряд слов, связанных с ним общей основой: *рукоприкладствование, рукоприкладствовать, рукоприкладчик, рукоприкладчица, рукоприкладывание* [28. Т. 4. С. 78]. Такая словообразовательная активность исходной основы от «рукоприкладство» — еще одно свидетельство явного преимущества этого слова в конкуренции с «рукоприложением» и «рукоприкладыванием».

В XIX в. «приказное речение» «рукоприкладство» развивает переносные значения и часто становится объектом языковой игры. Так, в письмах славянофила П.В. Киреевского благодаря развитой многозначности слова «рука», характерной для языка XIX в. (в том числе ‘почерк’, ‘подпись’) [29. Т. 2. 188], слово «рукоприкладство» употреблено в значении ‘автограф’:

Впрочем, на этот раз я тебя благодарю за появление «Сочинений Языкова» <...> а еще и за экземпляр, которого я ожидаю от твоей великой и богатой милости и с твоим **рукоприкладством** (П.В. Киреевский. *Письма Н.М. Языкову. 1833*) [17].

Другой пример шуточного употребления слова «рукоприкладство» в значении ‘рукопожатие’ — результат переосмысления исходной мотивировки словосочетания «руку приложить» (‘приложить руку к руке’):

Тут отец и директор подались вперед и протянули правые руки, после какового **рукоприкладства** отец, как человек военный, опустил свою на шов, а директор, как гражданский чин, понес свою сначала в левый карман жилета, а потом уж захлопал по брюху (М.А. Воронов. *Детство и юность. 1862*) [Там же].

Еще один случай обыгрывания слова «рукоприкладство» в значении ‘целовать руку даме’ обеспечивается сознательно «притянутой», но в целом вполне допустимой возможностью производства слова «рукоприкладство» от известного куртуазного выражения «приложиться к ручке»: *Стороженко совсем растерялся и, кое-как dokonчив церемонию «рукоприкладства», искал спасения в мужском лагере* (В.П. Авенариус. Гоголь-студент. 1898) [Там же].

Во второй половине XIX в. внутренний образ слова развивается по пути актуализации понятийных (прямых) значений корневых морфем, составляющих сложное слово: «рукоприкладство» все чаще употребляется, а потому фиксируется в словарях в значении ‘нанесение побоев, ударов, избивание кого-либо (руками)’:

Городничий стоит посреди передней, издавая звуки и простирая длани (с **рукоприкладством** или без оногo — заверить не могу), а против него стоит, прижавшись в угол, довольно пожилой мужчина (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Игрушечного дела людшкки. 1886*);

Прислушиваясь к рассказу Савелия, Тарас Ермильч несколько раз хмурил брови и покачивал головой, а когда рассказ дошел до **рукоприкладства** генеральши, он засмеялся (*Д.Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб. 1891*) [Там же].

Примечательно, что первая словарная фиксация слова «рукоприкладство» в значении ‘бить руками’ происходит в третьем издании словаря В.И. Даля: «Рукоприкладство [ср.] то же, [что рукоприкладствование], подпись скрепа чего-либо, собственноручное свидетельство. <...>. || [*Рукоприкладство* шут. оскорбление действием.] <...>. || [Рукоприкладствовать шут. **бить**. *И тебя дедушка, значит, рукоприкладствовали*, т.е. били]» [30. Т. 3. Стб. 1740].

Широкое распространение слова «рукоприкладство» именно в этом значении начинается на рубеже XIX–XX вв.:

Игра ведется азартно и часто доходит до **рукоприкладства** (*Одесский листок. 1912*);
Один молодой крестьянин избил и выгнал свою молодуху, только что родившую. Его умиряли, не без **рукоприкладства** (*Священник Михаил Елабужский. Дневник. 1925*) и др.

Слово «рукоприкладство» широко используется в современной публицистической, художественной, разговорной речи. В словарях оно толкуется как ‘нанесение побоев, ударов, избивание кого-либо (руками)’ [31. Т. 12. Стб. 1558], ‘нанесение побоев руками’ [32. Т. 3. С. 740]. Однако в этих толкованиях не отражен важный оценочный компонент, который уловил И.А. Бодуэн де Куртенэ, — наличие в «рукоприкладстве» оскорбления, связанного с тем, что объект рукоприкладства беспомощен в силу либо своего подчиненного положения, либо физической слабости (или того и другого одновременно): *Наш солдат резко различает драку — явление обоюдное, и **рукоприкладство**, мордобой, который всегда предполагает бесправие того, кого бьют* (Б.А. Слущкий. Записки о войне. 1945) [17].

По всей видимости, сема подчиненности, бесправности адресата рукоприкладства сохраняется в семантической структуре современного слова «генетически», т.е. от исходного действия «прикладывать руку» — ‘твердо налагать ладонь на бумагу сверху вниз’. Для человеческих отношений это очень важный семантический компонент слова «рукоприкладство», отражающий асимметрию отношений, насилие одного над другим. Не случайно «рукоприкладство» — частое нетерминологическое обозначение различных видов бытового насилия «сильного» над «слабым» (женщиной, ребенком, инвалидом и др.), которое повсеместно используется как в документах правоохранительных органов (протоколах, отчетах, разъяснениях и др.), так и в текстах СМИ, информирующих об этом виде преступного деяния:

В Минюсте рассказали о сроках внесения в УК поправок о защите жертв **рукоприкладства** в семье [32];
Под домашним насилием в обществе принято понимать в первую очередь физическое насилие, оно же **рукоприкладство** [33].

Заключение

Изучение истории канцеляризма «приложить руку» и слова «рукоприкладство» дает возможность проследить трансформацию способов заверения документа в связи с изменением параметров деловой коммуникации, усилением в ней письменных начал, желанием властей пресечь возможную утрату документом его юридической силы. Развитие у ряда исконно деловых канцеляризмов вторичных и переносных значений свидетельствует об активном взаимодействии деловой письменности и иных речевых систем. Если оборот «приложить руку» проникает в деловую речь в период ее тесного взаимодействия с разговорной речью, то появление слова «рукоприкладство» происходит в недрах делового языка Нового времени, создающего собственные номинации, в свою очередь проникающие в иные речевые системы, в том числе в разговорную речь. Сам способ образования слова при помощи словосложения отсылает к церковнославянским моделям. Слова «рукоприкладство», «рукоприложение» или, например, «мероприятие» очень похожи на славянизмы, однако не являются таковыми. Появление в Новое время сложных слов «славянского образа» отражало иной статус деловой речи в обществе, присвоившей себе не только регулирующую, но и учительную функцию.

Литература

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука: Флинта, 2011. 694 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.
3. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 496 с.
4. Скворцов Л.И. О канцеляризмах и штампах // Русская речь. 1982. № 1. С. 54–63.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
6. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 7: Поклепань — прашчур. М.: Московская тип. № 2, 2004. 505 с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019.
10. Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 57–63.
11. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1: 1334–1598. СПб.: в Типографии Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841.
12. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василем Никитичем Татищевым. М.: в Университетской типографии у Н. Новикова, 1768. 138 с.
13. Лакиер А.Б. Русская геральдика. Кн. 1. СПб.: в Типографии 2-го отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1855. 304 с.
14. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
15. Порфирдов Н.Г. Печати городских контов Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1972. Вып. IV. С. 146–151.
16. Мусин А., диакон. Архирейская сфрагистика на Руси в XI–XVII вв.: (опыт комплексного осмысления) // Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во РГЭ, 2000. URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/4847>.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
18. Энгельман И.Е. О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб.: в Типографии Николая Тиблена и комп., 1869. 187 с.
19. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1: Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1857.
20. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1851. 452 с.
21. Коркина Т.Д. Формула рукоприкладства в кеврольских таможенных книгах первой четверти XVIII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1 (4). С. 99–107.

References

1. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka / pod red. M.N. Kozhinoi. Moscow: Nauka: Flinta, 2011. 694 s.
2. Golovin B.N. Osnovy kul'tury rechi. Moscow: Vysshiaia shkola, 1980. 335 s.
3. Janin V.L., Gaidukov P.G. Aktovye pečhati Drevnei Rusi. T. 3: Pečhati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg. Moscow: Intrada, 1998. 496 s.
4. Skvortsov L.I. O kantseliarizmakh i shtampakh // Russkaia rech'. 1982. No. 1. S. 54–63.
5. Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka / pod red. A.I. Molotkova. 2-e izd., ster. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1968. 543 s.
6. Slovar' Akademii Rossiiskoi, proizvodnym poriadkom raspolozhennyi: v 6 ch. St. Petersburg, 1789–1794.
7. Krysin L.P. Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov. Moscow: Eksmo, 2006. 944 s.
8. Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.). T. 7: Poklepan' — prashchour. Moscow: Moskovskaia tip. No. 2, 2004. 505 s.
9. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. / Ros. akad. nauk, In-t rus. iazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 1–31. Moscow, 1975–2019.
10. Selishchev A.M. O iazyke "Russkoi Pravdy" v sviazi s voprosom o drevneishem tipe russkogo literaturnogo iazyka // Voprosy iazykoznanii. 1957. No. 4. S. 57–63.
11. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu kommissieiu. T. 1: 1334–1598. St. Petersburg: v Tipografii Ekspeditsii zagotovleniia gos. bumag, 1841.
12. Sudebnik gosudaria tsaria i velikago kniazia Ioanna Vasil'evicha, i nekotorye sego gosudaria i blizhnikh ego preemnikov ukazy, sobrannye i primechaniiami iz'iasnennye pokoinym tainym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom Vasil'em Nikitichem Tatišchevym. Moscow: v Universitetskoi tipografii u N. Novikova, 1768. 138 s.
13. Lakier A.B. Russkaia geraldika. Kn. 1. St. Petersburg: v Tipografii 2-go otdeleniia sobstvennoi e.i.v. kantseliarii, 1855. 304 s.
14. Janin V.L. Oчерки istorii srednevekovogo Novgoroda. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008. 400 s.
15. Porfiridov N.G. Pečhati gorodskikh kontsov Velikogo Novgoroda // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Leningrad: Nauka, 1972. Vyp. IV. S. 146–151.
16. Musin A., diakon. Arkhieriskaia sfragistika na Rusi v XI–XVII vv.: (opyt kompleksnogo osmysleniia) // Materialy konferentsii k 20-letiiu GERAL'DICHESKOGO seminaru pri Gosudarstvennom Ermitazhe. St. Petersburg: Izd-vo RGE, 2000. URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/4847>.
17. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/>.
18. Engelmann J. O priobretenii prava sobstvennosti na zemliu po russkomu pravu. St. Petersburg: v Tipografii Nikolaia Tиблена i komp., 1869. 187 s.
19. Akty, odnosiashchiesia do iuridicheskago byta drevnei Rossii. T. 1: Vyborny, vypisi, gramoty, dannyia, doklady, doprosy, dosmotry, doezdy, dukhovnyia, dela, del'nyia, zapiski, zapisi, izvety. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1857.
20. Nevolin K.A. Istoriia rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. T. 2. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1851. 452 s.
21. Korkina T.D. Formula rukoprikladstva v kevroľ'skikh tamozhennykh knigakh pervoi chetverti XVIII veka // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2015. No. 1 (4). S. 99–107.

22. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Археогр. комис., 1838. 511 с.

23. *Варадинов Н.В.* Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. Ч. 1–2. СПб.: Типография Якова Трея, 1857.

24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: в Типографии 2-го отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1830.

25. *Вейсманн Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатанию издан. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731.

26. *Гаврилов М.Г.* Новый лексикон на немецком, французском, латинском, италинском и российском языках, изданный Матвеем Гавриловым, членом Педагогической семинарии, учрежденной при Императорском Московском университете. Изд. 2-е. М.: в Университетской типографии у Н. Новикова, 1789. 766 с.

27. *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 2: О — до конца алфавита. СПб.: изданием типографшица и книгопродавца И.К. Шнора, 1782.

28. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1847.

29. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.

30. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. 1–4. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1903–1909.

31. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964.

32. Хватит бить: наказание за домашнее насилие ужесточат в течение полугода // Известия. 2021. 23 апреля. URL: <https://iz.ru/1155521/natalia-bashlykova/khvatit-bit-nakazanie-za-domashnee-nasilie-uzhestochat-v-techenie-polugoda> (25.05.2022).

33. Что нужно знать о домашнем насилии. URL: <https://stop-nasilie.rf/publicatsii/40/> (25.05.2022).

22. Akty iuridicheskie, ili Sbranie form starinnogo deloproizvodstva. St. Petersburg: Arkheogr. komis., 1838. 511 s.

23. *Varadinov N.V.* Deloproizvodstvo, ili Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo k grazhdanskomu i ugotovnomu, kollegial'nomu i odnolichnomu pis'movodstvu, k sostavleniiu vsekh pravitel'stvennykh i chastnykh delovykh bumag k vedeniiu samykh del, s prilozheniem k onym obraztsov i form. Ch. 1–2. St. Petersburg: Tipografia Iakova Treia, 1857.

24. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sbranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 goda. T. 1–45. St. Petersburg: v Tipografii 2-go otdeleniia sobstvennoi e.i.v. kantseliarii, 1830.

25. *Weissmann E.* Nemetsko-latinskii i ruski lekikon kupno s pervymi nachalami ruskago iazyka k obshchei pol'ze pri Imperatorskoi Akademii nauk pechatiiu izdan. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731.

26. *Gavrilov M.G.* Novyi lekikon na nemetskom, frantsuzskom, latinskom, italijskom i rossijskom iazykakh, izdannyi Matveem Gavrilovym, chlenom Pedagogicheskoi seminarii, uchrezhdennoi pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Izd. 2-e. Moscow: v Universitetskoi tipografii u N. Novikova, 1789. 766 s.

27. *Nordstet I.* Rossiiskii, s nemetskim i frantsuzskim perevodami, slovar', sochinennyi nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom. Ch. 2: O — do kontsa alfavita. St. Petersburg: izhdaniem tipografshchika i knigo-prodavsia I.K. Shnora, 1782.

28. Slovar' tserkovnoslavianskago i russkago iazyka, sostavlennyi Vtormy Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk. T. 1–4. St. Petersburg: v Tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1847.

29. *Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A.* Slovar' russkoi mental'nosti: v 2 t. St. Petersburg: Zlatoust, 2014.

30. *Dal V.I.* Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka Vladimira Dalia. 3-e izd., ispr. i znachitel'no dop. / pod red. prof. I.A. Boduena de Kurtene. T. 1–4. St. Petersburg; Moscow: Izd. T-va M.O. Vol'f, 1903–1909.

31. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1964.

32. Khvatit bit': nakazanie za domashnee nasilie uzhestochat v techenie polugoda // Izvestiia. 2021. 23 apreliia. URL: <https://iz.ru/1155521/natalia-bashlykova/khvatit-bit-nakazanie-za-domashnee-nasilie-uzhestochat-v-techenie-polugoda> (25.05.2022).

33. Chto nuzhno znat' o domashnem nasilii. URL: <https://stop-nasilie.rf/publicatsii/40/> (25.05.2022).

Руднев Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук,
доцент, профессор кафедры
русского языка
Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена

Rudnev Dmitry V.,
Doctor of Philology, Candidate of History,
Associate Professor, Professor of the
Russian Language Department
Herzen Russian State Pedagogical
University

e-mail: lrudnevd@mail.ru

Садова Татьяна Семеновна,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный
университет

Sadova Tatiana S.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Russian Language
Department
St. Petersburg State University

e-mail: tatsad_90@mail.ru

